

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

ХОСРОВ НАТИЛ

Переводы АЛИНЫ ТАЛЫБОВОЙ

Хосров Натил уроженец Зангеланского района Азербайджана.

Выросший среди красот и простора природы, он неслучайно в свое время поступил в Государственный институт сельского хозяйства, выбрав основной специальностью работу с землей, ее щедрыми дарами.

Публикуется в периодической печати с 1976 года. Его стихи и публицистика выходили в таких изданиях как «Азербайджан», «Улдуз», «Гобустан», «Литературная газета», «Резонанс», «525-я газета» и другие. Автор двух печатных и одного аудиосборника поэзии, стихи его многократно звучали в эфире азербайджанского радио.

Его тексты публиковались в поэтических антологиях (в том числе, и на английском языке), издаваемых в Турции и представляющих читателю широкий диапазон современных евразийских поэтов.

Сегодня Хосров Натил впервые предстает на страницах нашего журнала с полновесной поэтической подборкой. Язык его поэзии подчас сложен и метафоричен, но темы, которые волнуют поэта – все те же, актуальные во все времена, понятные всем нашим современникам. Как уже упоминалось, автор умеет слушать и слышать природу, именно поэтому он и воспринимает, как свою, боль вырубаемых деревьев и бессмысленно уничтожаемых животных, и пытается донести до нас, читателей, их зов о помощи, предупреждение свыше о том крае, которому сегодня подошло, увлеченное своими техногенными изысканиями человечество.

Среди его стихов лирические тексты сменяются философскими раздумьями о времени, о природе человека... С благодарностью вспоминает поэт юные годы, проведенные им в древней Гяндже, где он впервые вдохнул воздух творчества среди представителей тамошней литературной среды, явивших ему пример уважения к слову и литературной работе.

Поздравляем автора с этой публикацией и желаем ему в дальнейшем новых творческих встреч с нашими читателями в новых выпусках «Литературного Азербайджана»...

Порт – разлука – волны за кормой...

Кто-то с дамбы машет мне рукой...

Только тщетно –

паруса надежды

Не сыскать нам в дали ледяной.

Тает город, уходя в закат.

Вертолеты в вышине летят,

Тень бросая, лопастями машут –

Чайки к Богу легче долетят...

Подоконник, тюль,

герань в горшках...

К вам душой стремлюсь издалека.

Верю – здесь, в любые

день и полночь

Ждут меня, не затворив окна.

Стихи на свой день рождения

Родился осени
 в последний день
под сенью разномастных хризантем,
бушующих в садах...
Но не по росту мне
пришлась судьба.

Я в первый год желал,
 хоть и не знал,
чего желать...
И с губ моих стекал
младенца лепет –
 мед и молоко.
Я юность в небо выдохнул легко.
А нынче –
 тучи голоса в тоске
на осени гортанном языке.

Седые ливни
 смыли с неба птиц,
мне кислотой щеки обожгли.
Морщинами избородила лоб
насмешница-судьба,
как землю – плуг.

Путь преградил мне
ледяной туман,
лицо бесплотной маской залепил,
в ней не оставив прорези для глаз...
Затмила звезды смутная луна.

Родился осенью
под шорох змей в траве
 и клекот жаб,
 и ящерок возню...
Рожденный осенью
 и отданный судьбе –
надежда мне качала колыбель.

Дорогая

Дорогая,
я пью – как всегда, по утрам –
чай зеленый
и тщетно пытаюсь сглотнуть,
как всегда,
в горле комом
 встающую грусть,
что влечет меня за руку

утром седым
мимо Острова Детства
к могилам родным.

Даже солнечный свет
 раздражает меня,
даже норд ледяной
не остудит мой гнев.
И гляжу я поверх
 запотевших очков
на чернеющих листьях
узор под ногами.

Вновь народная песня
тоскует впотьмах.
Как понятен душе
этот скорбный напев!
*«Я навек одинок,
вянешь в девушках ты...»*
Горько-сладкая ягода
нашей любви...

Птицы нового времени

В небе седьмом,
 днем и ночью кружась,
Тенью на зеркало море ложась –
Злобные внуки ковров-самолетов,
Птицы стальные глазают на нас.

Рыба застынет в объятьях воды,
Вольные волны бледнеют от страха.
На растерявшиеся корабли
Клювы наводят железные птахи.

Ах, не налиться колосьям зерном!..
Съежившись,
 в страхе дрожат небоскребы –
Стал мегаполис размером с ладонь...
Жуткие птицы к атаке готовы.

Небо цветами, как сад, зарастет,
Радугой щедро окрасится свод.
Ветер холодный вздымая крылами,
Выводок хищный
 над миром плывет.

Черные тучи мостят небеса,
Старая мельница тает в тумане...
Ближе Создатель,
 смертельной гроза –
Птицы стальные кружатся над нами.

SOS

SOS... SOS ...
SOS ... SOS ...
Отче, слышишь?..
Умирает рыба.
Человече, рыба умирает!..

Умирает стаями –
молодая и старая,
умирает ночью и на заре,
умирает еще до рожденья –
в икре.

Умирают рыбы
с круглыми
детскими глазами,
умирают молча,
умываясь слезами.

Корчатся на удочке,
бьются в сети –
тут и там, и всюду,
куда ни погляди:
рыб убивают,
рыб – убывает.

– Люди, люди!..
Рыба умирает!
Все ядовитее моря рассол,
все мутней,
непроглядней волны –
рыба в них задохнется, сгорит.

Седлают коней гилавар и хазри¹ –
беснуются кони,
несутся впотьмах.
Скалятся волны,
от ярости слепнут –
рыба гибнет
в отравленной пене.

Уходит во тьму –
на крючок попадает.
Стремится спастись в глубине –
но и тут
сети ее человечьи ждут.
Рыбья судьба, видно, такая...
Умирают.

¹ Южный и северный ветры (азерб.).

**Обречены мириады икринок:
хищные особи
слабых сожрут.
Куда ни взгляни,
и там, и тут:
в тихой речушке
и в море бескрайнем –
климат ломает,
вода убывает.
Могилой становится нам Земля:
рыба опять умирает зазря...**

Дождь в Гяндже

**Над Гянджой –
затяжной
дождь...**

**Льет на праведника мавзолей¹,
на Бессмертного² дом-музей.
И голос умершего ханенде³,
одинокий, бродит в дожде.**

**Льет и льет –
на кирпичную кладку домов,
на страницы раскрытых
великих томов.**

**На нагие стихи,
на ученый архив,
Что в себе пожелтевшие письма хранит.**

**Льется в реку,
чтоб с нею утечь навсегда,
На расклёванный птицами брошенный сад.
Льет на пригород
и на кладбища гранит –
Рано этот сентябрь разрыдался навзрыд.**

**Искромсали зарницы небесную ткань.
Увядаьем охвачен весь видимый мир.
Осень ржавые листья,
что сбросил платан,
Словно мертвых птенцов,
поднимает с земли.**

**Дождь затеял уборку в проулках пустых,
С тротуара смывая все наши следы.**

¹ Мавзолей Имам-заде в Гяндже.

² Мемориальный комплекс Низами.

³ Певец (азерб.).

Льет и льет –
 отвлекаться ему недосуг –
На окрестные лес, и равнину, и луг.

Он смакует на вкус
 каждый лист и цветок,
выпивает до дна этот город пустой.
Нагоняет легко – от него не уйдешь! –
Всех бредущих,
 бегущих,
 летающих сквозь дождь.

Затаились деревья,
 застыв на ветру.
Дождь с пустой каруселью затеет игру.
Снова ночь наступает
 на древней земле,
И шуршит этот дождь
 бесконечный во мгле...

Посвящение осенней погоде

Ты не гневайся, Боже, –
 но в этом году
слишком рано опала вишневая завязь,
и деревья бесплодными наши остались,
и айвы не случилось янтарной в саду.

Волны холодные плещут в закат,
напрочь смывая следы на песках.
А помнишь,
 как лето стучало в висках?..
И, обжигаясь о наши тела,
рыба морская сгорала дотла.

Всхлипнула ночь, уступив ненадолго
жалобам слёзным сумерек долгих.
Дни – как ступени, ведущие в осень.
В солнечных косах –
 лунная проседь.

Кто я такой, чтобы вынести суд
непостижимым деяньям Всесильного?..
Неблагодарности черной сосуд –
переживут меня вóроны пыльные.

В этом году распрощался с надеждой,
не уповаю на умысел Твой.
Пуля споеет у лица безнадежно,
рухнет подкошенным дуб вековой.

Небо, как будто могильник открытый,
черным нагаром сыплет густым,
Копотью снега, дождем ядовитым....
Тучи клубятся, глумятся над ним.

Снова льет ливень –
 беззвучный, бесстрастный,
чьи-то глаза в этом мире погасли.
Но всё же нет-нет над моей головой
лучик надежды сквозит золотой...

Струится виноградная лоза,
У ив осенних пожелтели косы.
Над древней башней слышны голоса,
Черноголовых чаек с клювом острым.

Невесте юной не страшны печали,
Ей верится: во все земные дни
Любовной сказке нету окончания –
В ней только многоточия одни.

Вот лунный свет к ногам ее припал,
Бессчетных звезд горят венцы повсюду.
Вот небо запылало, словно лал¹,
И облака запенились, как чудо.

Любовь кустом граната зацвела,
Цветы ее горят, как поцелуи.
Фата тумана, призрачно-бела,
Не утаит от мира весть благию.

Отказываюсь говорить

Мое почтение –
 владельцам тучных слов...

А мне не надо слов и уговоров
Забросать речь по поводу и без.
Я не могу журчать, как вы, часами –
Какие речи, если нету слов,
А те, что есть,
 застряли комом в горле...
Я сказочку вам не сплету из слов,
А если правду вам возьмусь поведать –
Понадобится вам корчага меда,
Чтобы хоть как-то горечь притушить
(Ведь чем слова правдивее, тем горше...)

¹ 1. Мак 2. Драгоценный камень алого цвета (азерб.).

В истоке жизни было слово «Будь!..»,
И с той поры не изменилась суть
Моих речей,

и не погнулось Слово

В своей основе...

Но вижу вновь на каждом я шагу,
Как издеваются над ним пройдохи:
Из слова шьют удобные чарыхи¹,
Лгут словом, и клеветают, и юлят,
И взваливают на него поклажу,
И водят за собою, как раба
С веревкою на шее...

Изжевав,

Как чуингам, им сплевывают ловко...
По образцу фанатиков его
Камнями забивают, жгут, пытаются
И вешают прилюдно... Вырывают
Язык у слова и сдирают кожу
От лба до пяток...

Болят мои слова, душой болеют,
У них, как у людей, – своя печаль,
Свои вероучения и секты,
Подчас они непримиримы, как
Сунниты и шииты...
Не откажи нам, людям, в Слове, Боже –
Ведь есть же те,

кто словом дорожит:

Как семя взращивает,

холит, нежит,

Не тратит зря, лелеет, как дитя...

А мне не надо слов в собраньях ваших,
Не буду я произносить речей.
Я промолчу, в укромном месте сидя,
Глотая ком из слов,

встающих в горле.

Не дай же обмануться мне в словах,
Не дай мне словом обмануть кого-то.
Пусть злобствуют мои клеветники –
Пусть я умру,
но не приму позора...

¹ Восточные туфли с загнутым вверх носом.